

Новый капитан английского военного корабля «Дрозд», поднявшийся на борт на Бермудах, придерживался вполне определенных взглядов на то, что должна и чего не должна делать на борту боевого судна маленькая пассажирка.

— Сколько вам лет, дитя мое? — строго спросил он, когда впервые увидел Дидону.

— Не знаю.

— Вы не знаете, сколько вам лет? С виду вы не похожи на дурочку.

— Дурочка, скажете тоже! — оскорбилась Дидона. — Просто до того, как попасть к вам на корабль, я проспала прорву времени на борту китобоя — может, несколько лет, один Морской дьявол Дэви Джонс знает!

— Складно сочиняете, — недоверчиво проговорил капитан Хьюз. — Ладно, пусть так; юная особа ваших лет — а я сомневаюсь, чтобы вам было больше двенадцати, — должна сидеть в каюте и учить уроки. Не потерплю, чтобы вы тут хихикали с гардемаринами и путались у всех под ногами. Вам больше подобает рукоделие. Неужели у вас нет вышивания? Вы не шьете по канве?

— По канве?! Мне бы такое и в страшном сне не приснилось! — воскликнула Дидона. — Кому оно нужно, это рукоделие?

Капитан Хьюз неодобрительно поглядел на нее поверх судового журнала «Дрозда».

— Здесь говорится, — продолжил он, — что вас взяли на борт в качестве пассажира, следующего в Англию, на острове Нантакет, после того как вы сыграли важнейшую роль в раскрытии ганноверианского заговора против его величества Якова Третьего. — Последние слова он прочитал так, словно глазам своим не поверил, и добавил: — Прошу вас, поясните, какое отношение к подобным делам могла иметь молодая особа вроде вас?

— А, долгая история, — ответила Дидона. — Даже не одна, а несколько долгих историй.

Она пристально рассматривала капитана Хьюза, и ее первое впечатление о нем было ничем не лучше, чем у него о ней. Капитан Осбальдестон, который пригласил ее на борт «Дрозда», был исключительно жизнерадостный живчик, на дружеской ноге со всей командой. Но вскоре после появления на борту Дидоны «Дрозд» сначала натолкнулся на пиратский корабль, а потом на ганноверианское торговое судно; последовало два жарких морских сражения, пиратский корабль был потоплен, ганноверианский захвачен, и в сопровождении «Дрозда» и под управлением призовой команды препровожден на Бермуды, поскольку обоим кораблям после их бурного взаимодействия потребовался нешуточный ремонт. В ходе всех этих событий капитан Осбальдестон получил повышение и теперь командовал большим британским военным кораблем, а его место на борту «Дрозда» занял капитан Хьюз.

Дидона быстро обнаружила, что это перемена к худшему.

— Прошу запомнить, мисс Туайт, что я не желаю видеть вас вне вашей каюты, — ледяным тоном закончил капитан.

— Что? Мне теперь и на палубу нельзя, по-вашему?

Дидона не могла поверить своим ушам: шутит, что ли?! Однако вид у капитана Хьюза был, несомненно, серьезный: он был мужчина высокий, суровый, с густым седым ершиком и косматыми седыми бровями. А такого волевого подбородка еще поискать.

— Вы можете выходить подышать свежим воздухом на переднюю палубу дважды в день, — ответил капитан. — Но, будьте любезны, никакой неуместной болтовни с командой!

— Даже на ванты забираться нельзя?

— Разумеется, нельзя!

— Что мне тогда делать с утра до вечера, чтоб меня за ногу да в кувшин?

— Я дам указания моему стюарду Холистоуну, пусть займется вашим образованием. Которое, насколько я могу судить, до сих пор находилось в прискорбном небрежении. По всей видимости, вы не знаете ничего, кроме навигации и разделки китов. За время плавания в Англию вы успеете обучиться хотя бы правописанию и основам арифметики.

Однако стюард мистер Холистоун предпочел учить Дидону логике, астрономии, картографии, тригонометрии, древней истории и военному делу. Его общество стало единственным, что примиряло Дидону с появлением капитана Хьюза, а поскольку ей больше не разрешалось хихикать с гардемаринами, она проводила почти все время со стюардом и его кошкой и, слушая его наставления, помогала ему в разнообразных делах. Мистер Холистоун поднялся на борт на Бермудах вместе с капитаном. Сразу было видно, что он способен занять должность и повыше стюарда, однако свои обязанности выполнял спокойно и умело, сразу подружился с командой и во многом пользовался доверием капитана. Он был крайне молчалив — иногда до такой степени, что казался просто дыркой в воздухе. «Как будто, — думалось Дидоне, — он пытается вспомнить давно забытый сон». Но временами на него нападала необычайная разговорчивость, и за недолгое время он успел преподать своей юной приятельнице массу полезных сведений: почему чернобрового альбатроса называют еще моллимаук, как готовить дэнди фанк (морские сухари с патокой) и кречер хаш (тушеное мясо с галетами) и что никогда нельзя принимать первую чашу из чужих рук. Как-то раз во время второй из ежедневных прогулок на свежем воздухе Дидона сидела по-турецки на передней палубе, начищала серебряные капитанские ложки и вилки лоскутом акульей кожи и порошком

из оленьего рога, бережно хранившимся в маленькой баночке. В небе висела круглая бледная луна, преследовавшая корабль весь день. «Будто барабан, обтянутый серебристым пергаментом, — думала Дидона, — красуется себе над кормой, дожидаясь, когда кто-нибудь взберется по бизань-мачте и ударит в него».

Судя по всему, приближалось время ужина.

И верно, вскоре на палубе появился мистер Холистоун — он ловко лавировал среди такелажных сваек, кофель-нагелей, бухт каната, кабестанов и брашпильей.

— А я как раз последнюю ложку начистила, мистер Холи! — воскликнула Дидона и сгребла серебро в кучу.

Стюард был худощав, среднего роста, с правильными чертами лица и до того спокойным выражением, что напоминал носовую фигуру, вырезанную из светло-коричневого дерева. Волосы его выгорели, а кожа обветрилась до того же оттенка буковой древесины. Глаза у него были серые и задумчивые, а держался он с неизменной серьезностью и достоинством. Однако, несмотря на весь свой солидный вид, он выглядел гораздо моложе капитана.

Стюард протянул руку за серебром, но тут же замер и с некоторым удивлением посмотрел Дидоне за спину.

— Что случилось, мистер Холи?

Дидона тоже обернулась — и с возгласом «Карамба!» вскочила на ноги. Луна уже не висела за грот-мачтой, а съехала сильно вбок и теперь обосновалась справа по ходу судна, где уже замерцала розовым в быстро темнеющем небе. Свежий попутный ветерок тоже сместился на правый борт, взъерошил короткие пепельные волосы Дидоны и поднял стоймя квадратный ворот ее матросской блузы. А дым из кормовой трубы «Дрозда» потянулся к левому борту.

— Эгей! — проговорила Дидона. — Мы повернули обратно!

Взглянув вдоль леера за корму, она увидела, что кильватерный след, который весь день был прямой, как стрела, линией сливочно-белой пены, тянувшейся за кораблем на юго-запад, превратился к огромную дугу — точь-в-точь огромный вопросительный знак на темно-синей глади океана.

— Мистер Холистоун, что стряслось? Кто-то из команды упал за борт?! Вроде никто не кричал.

— И в самом деле поразительно. Крайне неожиданно.

— А может, капитан Хьюз вдруг вспомнил, что забыл на Бермудах что-то важное?

Дидона вздохнула, подумав, как давно она не видела своих друзей и родных из Лондона и замка Баттерси — вот уже больше года. Правда, семейство у нее было не самое симпатичное, более того, мать и старшая сестра частенько обращались с Дидоной хуже некуда, а отец, хотя в хорошем настроении был не прочь повеселиться, иногда неделями попросту не замечал младшую дочь. Но Дидона все равно хотела повидаться с ними, хотя бы для того, чтобы рассказать о своих приключениях: как она обошла вокруг света на китобойном судне, как помогла спасти девочку по имени Дьютифул Пенитенция от злобной тетки, которая оказалась ей никакой не теткой, а мятежницей-ганноверианкой, задумавшей уничтожить Сент-Джеймский дворец выстрелом из дальнобойной пушки.

А еще в Лондоне у Дидоны остался друг по имени Саймон, по которому она соскучилась особенно сильно.

— Наверное, капитан Хьюз просто немного сбился с пути, — с надеждой предположила она.

Однако «Дрозд» мчался вперед по новому курсу, и луна, ставшая большой и розовой, будто пион, упорно держалась правого борта, отбрасывая по темной воде жемчужную дорожку.

— Отнесу серебро на место, — сказал мистер Холистоун. — Вероятно, мне удастся выяснить, чем вызвана перемена.

Его медно-рыжая кошка Эльдорада, вышедшая на палубу вслед за хозяином, грациозно потянулась — сначала выставила вперед передние лапы, потом выгнула спину.

— Пошли, Дора, — сказала Дидона. — Давай тоже разведем, что происходит.

Она подхватила кошку на руки. Дорин хвост, необычайно длинный, дважды обвился вокруг шеи Дидоны.

Большой трехмачтовый военный корабль бороздил мощные атлантические волны; палуба вздымалась, опускалась,

качалась из стороны в сторону, словно корабль двигался по длинному непрерывному штопору. Однако Дидона шла по ней с привычной легкостью, направляясь к трапу. Несколько моряков, завидев Дидону, дружески покивали ей, но не стали заговаривать. Капитан Хьюз строго следил за дисциплиной. Кое-кто из гардемаринов украдкой улыбнулся ей. Лишь один матрос по прозвищу Таффи-Серебряк, которое он получил за внушительные сверкающие вставные зубы, заметные изда- лека, злобно покосился на Дидону с кошкой и, сложив указа- тельные и большие пальцы восьмеркой, сплюнул через плечо.

— Не к добру они на корабле — обе-две! — пробурчал он, когда Дидона проходила мимо. — Я-то знаю, что я сделал бы, командуй я судном!

Дидона украдкой показала ему язык. Таффи-Серебряк был из команды «Королевы Эттарды», потопленного пират- ского корабля, и ему одному из немногих разрешили перейти в команду «Дрозда», вместо того чтобы отправиться в тюрьму на Бермудах. «За ним стоит последить, — подумала Дидона. — Только бы не наткнуться на него темной ночью».

Она прошла мимо двери в кают-компанию, откуда до- носился густой запах жареного лука и солонины. Офицеры, кроме вахтенных, ужинали. Дидона, проходя мимо, слышала каждое их слово, поскольку под палубой было очень жарко и дверь держали открытой.

— Вот ведь некстати эта смена курса, — говорил лейтенант Уиндвард, старший помощник капитана. — Я хотел попасть домой, в Англию, и потратить наградные денежки. Что за муха укусила капитана, зачем он повернул на юг?

— Может, получил какой-то приказ? — предположил лей- тенант Боусприт, второй помощник.

— От кого? Кто мог бы его отдать, по-вашему?

— От Адмиралтейства, естественно. Кто еще отдает при- казы?

— Болван! Как он сюда попал, этот приказ?

— Наверное, был запечатан, — предположил кто-то из гар- демаринов. — Сами знаете: вскрыть только через два месяца в открытом море.

— Нам бы о таком сообщили, — сказал лейтенант Уиндвард.

— Кто, старик Молчун? Он даже который час не скажет!

Дидона миновала свою каюту — это была крошечная каморка рядом с большой капитанской дневной каютой («Чтобы вы всегда были у меня на глазах, меньше будет соблазн набедокурить», — холодно сказал капитан, когда велел ей переехать из гораздо более удобной каюты, которая была подальше). Ела Дидона с мистером Холистоуном на его отдельном камбузе, где он готовил для капитана. Вот и теперь она зашла на камбуз и обнаружила, что мистер Холистоун отрезает тонкие стружки от кокосового ореха и выкладывает на серебряную тарелочку. Капитан Хьюз питал пристрастие к тропической кухне.

— Эй, дайте я помогу, — предложила Дидона, взяла у мистера Холистоуна нож и, понизив голос, спросила: — Что у нас делается? Капитан на шканцах, мечется туда-сюда, разволновался, будто летучая рыба, которая разучилась плавать.

— Он получил письмо. — Мистер Холистоун помешал в котелке с акульим супом, перевернул бараний окорок на вертеле и начал месить тесто в миске и лепить из него булочки.

— Правда получил? Из Адмиралтейства?

— Нет, от адмирала Холлингзуорта, с Тринидада.

— А как оно умудрилось сюда-то попасть?!

— Голубиной почтой. — Мистер Холистоун поставил булочки в печь.

— Ой, это что, был тот голубь, которого утром чуть не поймала Дора?

— Вот он сидит.

Только сейчас Дидона заметила того самого голубя — теперь он пристроился на сушилке для посуды, спрятав голову под крыло. «Наверное, все перышки у него обтрепались — лететь сюда с самого Тринидада, даже не знаю, где это», — подумала Дидона.

— Смотрите, чтобы Дора его не слопала, мистер Холи!

Но Эльдорада увлеченно поедала обрезки акульего мяса из жестяной миски, которую хозяин поставил для нее на полу.

— Хорошо, что Ной Гассет поймал голубя, пока Дора не добралась до него, — заметила Дидона. — А то не видать бы капитану Хьюзу письма как своих ушей.

— Зато у нас было бы меньше хлопот.

— Да почему? Что это за письмо такое? Вы узнали?

— Si, si — да, да. — В задумчивости мистер Холистоун иногда переходил на латынь или испанский. Когда ему было пятнадцать лет, названный отец отправил его учиться в Испанию, в Саламанкский университет. Учиться ему до того понравилось, что он провел там десять лет. В итоге мистер Холистоун знал почти все на свете и свободно говорил на девяти языках.

— По-английски, если можно! — возмутилась Дидона, которая никаких языков не учила.

— Прошу прощения! Капитан Хьюз получил указания двинуться вдоль восточного побережья Римской Америки в порт Тенби в Новой Камбрии.

Похоже, такие перемены планов не особенно обрадовали мистера Холистоуна.

— А это далеко? — спросила невежественная Дидона.

— Да уж пожалуй! Две тысячи миль, полагаю. Нам придется пересечь экватор.

— Две тысячи миль?! — ужаснулась Дидона. — А я-то думала, мы уже домой плывем, напрямиком в устье Темзы.

Губы у нее задрожали. Мистер Холистоун сочувственно вздохнул.

— Бедная юная мисс. Грустно, когда ты так далеко от дома.

— А где ваш дом, мистер Холи?

— Хай-Бразил? — Стюард печально улыбнулся. — Недалеко от тех мест, куда мы направляемся. Но у меня там больше никого не осталось. Мне некуда возвращаться.

— Зачем нам приспичило идти в этот порт Тенби?

— Адмирал Холлингзуорт получил послание от королевы Новой Камбрии с просьбой о помощи.

— Почему это британский флот должен ей помогать?

— На ее земли посягает соседняя страна. Видимо, на Новую Камбрию напали, ввели войска— что именно произошло, в послании не говорится. У королевы что-то отняли силой.

— Капитан Хьюз должен это вернуть?

— Так ему приказано.

— С какой стати нам помогать этой королеве? — Дидона сложила капитанскую салфетку красивой кокардой. — У королевы наверняка есть армия, пусть она этим и занимается.

— Право, ваша необразованность поистине удивительна, — с неудовольствием заметил мистер Холистоун. — Неужели вас не учили истории родной страны?

— Да ладно вам, мистер Холи. Нечего читать мне нотации. Я не виновата, что никто меня ничему не учил.

— Не виноваты, верно, — извинился мистер Холистоун. — Верно и то, что все мое образование не принесло мне пользы. Какой смысл читать Гомера, Макиавелли и санскритские гимны, если в конце концов оказываешься корабельным стюардом?

— Стюард из вас что надо, мистер Холи, — утешила его Дидона. — Кому она нужна, эта Макавеля? Расскажите лучше про камбрийскую королеву. Как ее зовут?

— В послании об этом не говорится. Ее страна — древнейший союзник Британии. Связи между Британией и Новой Камбрией прослеживаются с пятьсот семьдесят седьмого года.

— Ух ты! — Дидона сосчитала на пальцах. — Тысяча двести лет, даже больше. А что стряслось в пятьсот семьдесят седьмом?

— Битва — битва при Дареме. Вот, возьмите скатерть. — Стюард вручил Дидоне сложенный квадрат тяжелой белой камчи, и они вместе прошли в капитанскую каюту — большую красивую комнату, где стоял массивный стол красного дерева, конторка и несколько кресел. Стены были обшиты орехом и увешаны картами, схемами и чертежами летательных аппаратов, которыми капитан очень увлекался. У него была теория, что корабли можно перестроить так, чтобы они летали, словно птицы. Пока что никто в Адмиралтействе не воспринимал его идеи всерьез.

В большие наклонные окна, повторявшие профиль бортов, лился лунный свет.

Дидона застелила стол скатертью, а мистер Холистоун накрыл его на один куверт — поставил тарелку и бокалы для вина и воды, разложил ножи, вилки и ложки.

— Кто победил в битве при Дареме?

— Бритты потерпели поражение. Вы слышали о Батской бригаде? О Гластонберийской страже? О Несгибаемых мениппцах?

Дидона только помотала головой.

— Бритты и римляне сражались против нашествия саксов, превосходивших их числом. Когда битва была проиграна, многие бритты и римляне бежали на побережье. Там они погрузились на корабли — это были те самые корабли, на которых прибыли саксы — и с чадами и домочадцами отправились за океан. Первой сушией, встретившейся им на пути, была Новая Камбрия, где они и поселились.

— И с тех пор там и живут? — оторопела Дидона. — Не стали возвращаться?

— Некоторые их потомки вернулись. А саксы к этому времени осели в Британии и подружились с местным населением. Поэтому между нашими странами всегда была связь.

— Неужели из-за этого королева считает, что бедный старый капитан Хьюз должен примчаться к ней за две тысячи миль помочь ей подобрать спущенные петельки на вязанье? — возмутилась Дидона. — По-моему, она с жиру бесится!

Мистер Холистоун взглянул на нее с некоторым недоумением — лексикон Дидоны зачастую оказывался за пределами его понимания, — но в этот самый миг они услышали в коридоре шаги капитана Хьюза.

— Большая удача, — продолжала Дидона, не обращая на них внимания, — что «Дрозд» из этих новомодных паровых кораблей, а то не видать нам Лондона, пока рак на горе не свистнет! Мистер Холи, сколько нам придется идти вдоль побережья Римской Америки?

— Неделю или две, в зависимости от ветра.

Когда капитан Хьюз появился на пороге, стюард взял поднос и жестом поманил Дидону за собой. Однако капитан остановил ее, подняв ладонь.

— Одну минуту, мисс Туайт.

«Да чтоб тебе пусто было! Что еще?!» — подумала Дидона и справилась у собственной совести, не числится ли за ней каких-нибудь проступков. Вид у капитана Хьюза был особенно мрачный, как будто он проглотил морской лимон.

Мистер Холистоун тем временем сходил к себе на камбуз и вернулся с миской акульего супа и противнем свежевыпеченных булочек. Капитан Хьюз сказал:

— Холистоун, поставьте второй прибор для мисс Туайт. Мне нужно дать ей кое-какие указания.

Мистер Холистоун был слишком хорошо вышколен, чтобы чем-то выдать удивление. Он посещал училище для дворецких в Лондоне, где, помимо всего прочего, каждое утро по полчаса тренировали делать каменное лицо. Поэтому теперь он лишь с непроницаемым спокойствием произнес «Слушаюсь, сэр» и удалился, чтобы вскоре вернуться с тарелками, стаканами, ложками, вилками и салфеткой для Дидоны. Та между тем только и могла, что таращиться на капитана: от этой неожиданной чести она начисто перестала соображать.

— Сядьте, мисс Туайт, — сказал капитан.

— Есть, капитан...

Пододвигать ей стул капитан Хьюз все-таки не стал. Лишь буравил ее недовольным взглядом, словно смотрел на досадную мелкую песчинку, попавшую в механизм его хронометра. А Дидона, когда первое изумление прошло, изо всех сил постаралась притвориться, будто чувствует себя как дома. Она уселась напротив капитана, словно ужинала за этим столом каждый день, и мистер Холистоун подал ей тарелку супа и горячую булочку.

— Мисс Туайт, долг вынудил меня... — заговорил капитан Хьюз после сильно затянувшейся паузы, уставясь в тарелку, словно ему нужно было провести по ней корабль. — Гхм! Долг вынудил меня изменить курс и направиться в королевство Новая Камбрия.

Он умолк, будто ожидал вопросов, но поскольку Дидона продолжала безмятежно зачерпывать суп ложкой, добавил не без раздражения:

— Надо полагать, вы скажете мне, что впервые слышите о такой стране.

— А вот и нет, — с апломбом заявила Дидона. — Это старейший союзник Британии, страна в самой середине Римской Америки, она дружит с нами с самого пятисот семьдесят седьмого года, когда была битва при каком-то Дрюмдрюме...

— А! О! Гм. — Такого капитан Хьюз не ожидал. — Да. Э-э... в сущности, дело именно в этом. Флот Новой Камбрии был на нашей стороне во время атаки на ганноверянцев. И их порты всегда открыты для нас, мы имеем право пополнять там запасы воды и провизии и ремонтироваться...

— Очень любезно с их стороны, — ввернула Дидона.

— Поэтому мы обязаны прийти на помощь нынешней правительнице, которая обратилась с прошением к его величеству королю Британии Якову III.

— Ага, сейчас все бросим и поплывем, — процедила Дидона, которая никак не могла взять в толк, чем простой смертный может помочь королеве. — Ну то есть да, обязаны, ничего не попишешь. — Еще она никак не могла взять в толк, зачем капитану Хьюзу трудиться все это ей объяснять.

Мистер Холистоун убрал суповые тарелки и принес бараний окорок на вертеле. Капитан принялся нарезать мясо.

— Поскольку не вполне очевидно, чего хочет королева, — продолжил капитан Хьюз, передавая Дидоне тарелку с бараниной, — я высажусь в порту Тенби и отправлюсь в глубь континента, в столицу, и прибуду к ней с официальным визитом.

— Это далеко? — уточнила Дидона. Будет очень скучно, если «Дрозду» придется долго простоять на якоре, дожидаясь капитана.

— Насколько я могу судить, более двухсот миль. Столица, Бат-Регис, лежит в Андских горах, чей хребет образует западную границу королевства.

Дидона вздохнула, хрустя бараньим хрящиком. «Да на это месяца два уйдет», — подумала она. Но тут капитан ее изумил.

— Я намерен взять вас с собой, мисс Туайт.

— Меня?! — Дидона поскорее проглотила хрящик.

— Дитя мое, закройте рот! Как это неприлично! Да, вас, — сердито ответил капитан. — Вас отдали под мое попечение, и с моей стороны было бы непросительным нарушением долга, если бы я оставил вас на борту, где за вами некому присматривать.

— Мне и без этого вашего попечения неплохо жилось лет сто, — заявила неблагодарная Дидона. — И вообще, знаете, за мной неплохо присмотрит мистер Холистоун.

— Я намереваюсь и его взять с собой.

— А...

— Неужели вы не желаете увидеть Новую Камбрию? — строго спросил капитан. — Я считал, что оказываю вам любезность.

На самом деле ничего такого он не считал.

«У нас есть веские причины полагать, — писал британский комиссионер на Тринидаде, — что королева Новой Камбрии попросту свихнулась. Помимо всего прочего, она возомнила себя законной правительницей Британских островов и утверждает, что отправилась бы в плавание, чтобы заявить о своих притязаниях, если бы не неотложные обстоятельства, вынуждающие ее оставаться в Новой Камбрии. При этом она грозит лишить нас дружеского расположения, в том числе отказать британским кораблям в праве пользоваться своими портами. Пожалуйста, адмирал Холлингзуорт, отправьте кого-нибудь из самых доверенных ваших офицеров унять старушку, поскольку лишиться перевалочных пунктов в Римской Америке стало бы для нас досаднейшим неудобством. Весьма вероятно, на поверку все это окажется сущими пустяками. Кстати, до меня дошел слух, что королева обожает маленьких девочек и предпочитает всегда держать при себе одну-двух подобных юных протеже. Если у кого-то из ваших офицеров случайно есть жена и маленькие дети, участие их в миссии может благоприятно сказаться на настроении королевы и ее доброй воле, если вдруг возникнут какие-то сложности с исполнением ее желаний».

«Остается надеяться, что королева не окажется людоедой», — в некотором смятении подумал капитан Хьюз.

— А я и не говорю, что не хочу с вами! — возразила Дидона на его последнюю реплику. — Я только сказала «А». Я совсем не против туда отправиться. Этот Бат-Регис — большой город? Как Лондон?

— Сомневаюсь, — коротко отвечал капитан Хьюз. Его терзала тревога и мучила совесть, если не сказать больше — он чувствовал себя предателем, когда представлял себе, в чем будет состоять участие Дидоны в его предприятии, и от этого голос его звучал резче обычного. Затем капитан добавил уже мягче: — Впрочем, говорят, некоторые города в Андских горах поистине великолепны — их зовут Городами Царей или Цезарей; легенды гласят, что улицы в них вымощены золотом и серебром, а реки текут бриллиантами. Ходят слухи, что даже плуги и прочие орудия земледелия у них делают из драгоценных металлов.

— Ничего себе, — сказала Дидона. Картина серебряной брусчатки произвела впечатление даже на нее. — А что, Бат-Регис — он такой, с серебряными булыжниками?

— Не знаю. Увидим.

Дидона начала примиряться с мыслью о вынужденной задержке в пути.

Мистер Холистоун унес мясо и подал консервированную айву в тягучем сиропе. Капитан Хьюз рассеянно положил Дидоне целый половник этого лакомства и продолжил:

— Гхм! Мисс Туайт! Поскольку к воспитанию у вас хороших манер и умения себя вести прежде, по-видимому, относились с поистине скандальной халатностью (право, я и представить себе не могу, как вас растили и кто этим занимался), я распоряжусь, чтобы Холистоун прекратил все ваши занятия и всю ближайшую неделю посвятил исключительно обучению вас хорошим манерам и умению держаться, как подобает леди.

— Вот гадство!

— Вы должны научиться делать реверанс...

— Да что это за жизнь?!

— Должны научиться ходить с книгой на голове...

— Это еще зачем?!